

ГЛАВА I.

У т р о Ко л и.

Коля Загорекій былъ славный добрый мальчикъ; только одинъ его недостатокъ часто огорчалъ родителей: Коля былъ страшно упрямъ и любилъ все дѣлать по своему. Когда няня утромъ приходила его одѣвать, всякій разъ начиналась исторія.

— Отвяжись, няня, я хочу спать; уйди! и Коля съ головой покрывался одѣяломъ, зажимивалъ глаза, прикидываясь спящимъ, и такъ почти каждый день, пока мама или папа сами не входили въ дѣтскую. Папа очень сердился, наказывалъ его, оставляя то безъ пирожного, то безъ прогулки; мама всячески уговаривала маленькаго упряма, но Коля всякое утро продѣлывалъ тѣ же штуки.

Разъ няня пришла къ нему раньше обыкновеннаго, разбудила его и сказала:

— Коленька, вставай, батюшка, поскорѣе: папа приказалъ тебѣ теперь самому одѣваться; завтра твое рожденіе, тебѣ ужъ минетъ семь лѣтъ, и папа говоритъ, что стыдно такого большого мальчика одѣвать, пусть самъ все для себя дѣлаетъ. Вставай, голубчикъ, мнѣ некогда, а не скоро одѣнешься, такъ намъ съ тобой опять попадетъ отъ папашеньки.

— Не безпокойся, нянечка, не попадетъ, я сейчасъ! Хочешь я тебѣ покажу, какъ я скоро могу вставать? разъ, два, три!... вотъ я и на ногахъ; давай чулки.

— Ну, вотъ и молодецъ. Вотъ тебѣ чулочки и сапожки; одежда вся здѣсь на стулѣ; водичка тепленькая; не забудь причешишь, Богу помолишь и кушай молочко; тутъ тебѣ и булочку и сухарики приготовила; а я побѣгу, — мнѣ недосугъ.

— Хорошо, хорошо, уходи себѣ; ужъ такъ и быть, сегодня для тебя постараюсь, милая ты моя нянечка, дай-ка я тебя поцѣлую!

— Охъ ты, свѣтикъ ты мой, голубчикъ родимый! ну, одѣвайся же, не мѣшкай.

Няня разцѣловала своего любимца и ушла.

Коля живо надѣлъ чулокъ и, взявъ въ руки другой, пошелъ посмотреть, что дѣлается на улицѣ.

— Ахъ, ахъ! мальчишки дерутся, заговорилъ онъ, вотъ потѣха-то! ха, ха, ха... ай, а чулки-то свои забылъ; ну теперь буду одѣваться.

Коля отошелъ отъ окна, но, вдругъ услышавъ музыку на улицѣ, кинулся опять къ окну и, разумѣется, позабылъ обо всемъ, когда увидѣлъ солдатъ, проходившихъ подъ окномъ съ музыкой. Красивый офицеръ молодцомъ проѣхалъ на чудной лошади и даже улыбнулся, взглянувъ на раздѣтаго мальчика въ окнѣ.

— Вотъ бы мнѣ быть офицеромъ, размечтался мальчикъ, и такъ ѣздить на конѣ по улицамъ, въ каскѣ съ перьями, подъ музыку! Каску-то сейчасъ можно сдѣлать изъ бумаги и нарѣзать полосокъ, завить ихъ ножомъ, похоже будетъ на султана.

Коля взялъ газету, смастерилъ трехугольную шляпу и нарѣзать бумаги для султана; потомъ придвинулъ стулъ къ висѣвшему зеркалу, взлѣзъ на него, надѣлъ шляпу и началъ закручивать себѣ усы, которые еще не выросли.

Вдругъ дверь отворилась, и въ дѣтскую вошелъ Колинъ папа, Андрей Николаевичъ.

— Коля, что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Ахъ, папочка, я сейчасъ... я только примѣрялъ офицерскую шляпу, потому-что я хочу быть офицеромъ, отвѣтилъ Коля, проворно слѣзая со стула.

— Гдѣ тебѣ, такому лѣнтяю, быть офицеромъ! Няня часъ тому назадъ приходила, и ты ей сказалъ, что одѣнешься въ одну минуту, а я вижу только одинъ чулокъ у тебя на ногѣ.

— Я сейчас, папочка, надѣну другой... солдаты съ музыкой прошли, я на нихъ смотрѣлъ въ окошко; потомъ знаешь, папа, какіе драчуны мальчишки на улицѣ!...

— Хорошо, хорошо, ты за завтракомъ все расскажешь, а теперь одѣвайся; въ 10 часовъ придетъ учительница, и ты опять заставишь ее себя ждать, отвѣтилъ отецъ, уходя изъ комнаты.

Коля заторопился, но не успѣлъ одѣться, какъ въ прихожей позвонили, и учительница прошла въ классную. Кое-какъ причесавшись и выпивъ молоко безъ хлѣба, Коля пошелъ въ классную и тутъ только вспомнилъ, что не повторилъ урока.

Учительница, Ольга Семеновна, только что начала выговаривать мальчику за невыученный урокъ, какъ въ комнату вошелъ дядя, крестный отецъ его, который очень любилъ и баловалъ своего крестника.

— Здравствуйте, Ольга Семеновна, здравствуй, Коля; ну, какъ дѣла? если уроки хорошо знаешь, то тебѣ будетъ награда, сказалъ дядя.

— Нѣтъ, Федоръ Николаевичъ, отвѣтила учительница, сегодня Коля награды не заслуживаетъ: кромѣ того, что опоздалъ въ классъ, онъ и урока своего совсѣмъ не училъ.

Коля покраснѣлъ и опустил головку, потому что въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ.

— Жаль, очень жаль, качая головой сказалъ дядя, а я, по случаю дня его рожденья, устраиваю

завтра у себя дѣтскій праздникъ, и мнѣ будетъ очень досадно, если Колю ко мнѣ не отпустятъ.

— Коля, сказала Ольга Семеновна, ты, можетъ быть, постарайся и къ завтрашнему дню выучишь мнѣ урокъ безъ ошибки?

— Конечно выучить, Ольга Семеновна, подхватила добрый дядя. Надѣюсь, что и вы завтра прїѣдете къ намъ и непременно обѣдать. Мы поѣдемъ кататься на лодкахъ, устроимъ пикникъ въ лѣсу, а вечеромъ будетъ фейерверкъ.

— Ахъ, дядя, какая радость, вотъ весело-то будетъ! воскликнулъ Коля и бросился обнимать дядю, но, задѣвъ за чернильницу, опрокинулъ ее; чернила разлились по всему столу.

— Ну, Коля, опять несчастье, какой ты разиня! закричалъ смѣясь дядя и ушелъ изъ классной.

Коля вытащилъ свой носовой платокъ и хотѣлъ имъ вытереть столъ; къ счастью Ольга Семеновна во время остановила его и позвала горничную, которая смыла чернила со стола; на книгахъ и тетрадяхъ пятна остались на память о Колиной неловкости.

ГЛАВА II.

День рожденія Коли.

Наканунѣ своего рожденія, послѣ завтрака, собираясь идти гулять со своей мамой, Коля обратился къ ней и сказалъ:

— Мамочка, сдѣлай мнѣ одно удовольствіе.

— Что же ты хочешь, дружокъ? Что нибудь благоразумное? спросила мать.

— Конечно, мамочка, даже очень благоразумное; подари мнѣ завтра на мое рожденіе красненькій галстучекъ.

— Хорошо.

— Только, мамочка, позволь мнѣ самому выбрать, потому-что ты не знаешь, какого цвѣта мнѣ хочется.

— Изволь; иди одѣнься, мы пойдемъ съ тобой сейчасъ въ Гостиный дворъ.

— Мерси, мамочка милая! весело сказалъ Коля и побѣжалъ къ нянѣ.

Въ магазинѣ Коля перебралъ всѣ галстуки и никакъ не могъ найти галстука по своему вкусу; одинъ былъ слишкомъ темень, другой свѣтлѣе, и собрался уже просить маму идти въ другой магазинъ, какъ мама, выбравъ хорошенькій галстукъ вишневаго цвѣта, сказала ему:

— Вотъ, Коля, прехорошенькій галстучекъ, совѣтую тебѣ его взять.

— Ну, хорошо, мама, купи этотъ, и пойдемъ поскорѣе домой.

— Почему же ты такъ торопишься, погуляемъ еще.

— Нѣтъ, мамочка, мнѣ хочется, чтобы ты мнѣ вышила на одномъ концѣ мой вензель, какъ у Саши Иванова; это такъ красиво и теперь самое модное; я завтра надѣну его къ дядѣ.

Мама засмѣялась и обѣщала вышить ему вензель.

Утромъ, въ день рожденія, вышитый галстучекъ уже висѣлъ на его кроваткѣ. Няня пришла его будить, неся на подносѣ огромный крендель, весь покрытый миндалемъ и изюмомъ. Сестрица Аля подарила ему запонки; папа большую книгу съ раскрашенными картинками, а мама чудесный локомотивъ, который заводился ключемъ.

Коля былъ въ полномъ восторгѣ; онъ удивительно скоро одѣлся на этотъ разъ и поспѣлъ къ самому приходу Ольги Семеновны.

— Здравствуй, Коля, поздравляю тебя, сказала учительница; ты уже давно готовъ, какъ я вижу? Это хорошо, надѣюсь, что теперь ты всегда будешь умникомъ, ты уже большой. А урокъ знаешь?

— Знаете, Ольга Семеновна, мнѣ ужасно было некогда вчера: я ходилъ съ мамой въ Гостинный дворъ, а сегодня не успѣлъ повторить, потому-что надо было прибрать все мои подарки; да, можетъ быть, я и такъ знаю.

— Ну твоему «можетъ быть» я не очень-то довѣряю; но дай книгу и скажи, что ты выучилъ.

— «Мартышка и очки».

— Хорошо, начинай.

— Мартышка и очки, откашлянувъ, повторилъ Коля.

— Дальше, улыбаясь, сказала учительница.

— Мартышка къ слабости стара глазами стала...

— Не такъ. Мартышка къ *старости слаба* глазами стала, поправила Ольга Семеновна.

— Это вѣдь все равно, Ольга Сименовна, возразилъ Коля.

— Совсѣмъ нѣтъ, надо учить такъ, какъ написано.

— Мартышка и очки... Ольга Семеновна, сегодня мнѣ мама подарила локомотивъ заводной.

— Хорошо, дружокъ, ты потомъ мнѣ покажешь, а теперь продолжай отвѣчать урокъ.

— Мартышка и очки. Мартышка къ слабости... мартышка къ старости стала слаба глазами.

— Не такъ, Коля.

— Ольга Семеновна, болтая ногами подъ столомъ, сказать Коля, что это такое—зю не такъ большой руки?

— Это значить небольшое горс; начини сначала.

— Мартышка и очки. Мартышка къ старости стала... слаба глазами стала... а отъ людей... Ольга Семеновна, развѣ мартышки понимаютъ людей? Знаете, папа мнѣ подарилъ книгу, и тамъ есть мартышки и разныя обезьяны, хотите я вамъ покажу?

— Коля, нетерпѣливо отвѣтила Ольга Семеновна, ты совсѣмъ не учишь этой басни, а потому выучи къ четвергу этотъ урокъ и еще четыре строчки дальше. Дай табличку умноженія; дважды восемь?

— Пятнадцать, кажется, сказалъ Коля.

— Шестнадцать. Дважды два?

— Ну, ужъ это-то я знаю... четыре. Ольга Семенова, а три да три что будетъ?

— Шесть.

— Вотъ и не отгадали! весело закричалъ Коля; не шесть, а дырка; три да три — будетъ дырочка, протрется, понимаете?

— Коля, теперь не время шутить, строгимъ голосомъ сказала учительница, я вижу, что ты и таблицу умноженія ниразу не повторилъ и мнѣ будетъ очень жаль, если сегодня, въ день твоего рожденія, придется тебя наказывать.

— Ну, такъ что-жъ! надувъ губы, отвѣтилъ Коля.

— Какъ что-же? Неужели тебѣ не стыдно будетъ?

— Что же вы ко мнѣ пристаєте? вамъ очень хочется, чтобъ меня наказали; но сегодня не накажутъ, сегодня мое рожденье, и мнѣ даже и учиться-то совсѣмъ не слѣдовало бы, а вы придираетесь!

— Коля, какъ ты разговариваешь? Замолчи, право, жалко тебя, а то я пожаловалась бы папѣ.

— Ну, и жалуйтесь, вы извѣстная злючка, вы любите наказывать, конечно, злючка, злѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Въ это время въ комнату вошелъ папа, который услышалъ изъ своего кабинета отвѣты Коли.

— Коля, строго сказалъ онъ, что я слышу? Что это ты себѣ позволяешь? Сейчасъ же попроси прощенія у Ольги Семеновны.

Коля поставилъ локти на столъ, подперевъ обѣ щеки, и ничего не отвѣчалъ отцу.

— Ты слышишь, что я тебѣ говорю, извинись передъ Ольгой Семеновной, повторилъ отецъ.

Коля не шевелился.

— Коля, я тебѣ говорю въ послѣдній разъ, что если сію минуту ты не исполнишь моего приказанія, я строго накажу тебя.

Коля закрылъ лицо руками и продолжалъ молчать.

— Въ такомъ случаѣ ты не пойдешь къ дядѣ.

Коля, не говоря ни слова, зарыдалъ. Учительница обняла его и начала уговаривать: